

Территориальные финансы

УДК 332.14

ББК 65.050

© Бердичевский И.В.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА¹

БЕРДИЧЕВСКИЙ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

Глазовский инженерно-экономический институт (филиал)

Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова

Россия, 427622, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Кирова, д. 36

E-mail: berdichevskiy117@yandex.ru

Проблемы формирования и реализации налогового потенциала региона явились предметом особого интереса со стороны специалистов соответствующего профиля ввиду возникшей необходимости в разработке экономически обоснованных индикаторов, способных объективно обеспечить выявление целесообразности и масштабов бюджетного выравнивания. Обобщение накопленного научного опыта позволяет говорить о создании внушительной теоретической, методологической и эмпирической базы и о ее успешном применении в практике межбюджетных взаимоотношений на примере различных государств. Пристального внимания заслуживают вопросы, касающиеся повышения достигнутого уровня и качества налогового потенциала региона, поскольку они направлены на решение (а не лишь на снижение степени социально-деструктивного воздействия) проблемы финансовой несостоятельности региона. Однако, к сожалению, современная российская практика не позволяет утверждать несомненную эффективность предлагаемых к реализации подобного рода мероприятий. Как нам видится, причина такого положения дел заключается, в первую очередь, в наличии локальных институциональных барьеров, ограничивающих достижение высокой продуктивности экономической деятельности в регионе. Таким образом, цель проводимого исследования – эмпирическое подтверждение существования, исследование форм проявления институциональных ограничений, касающихся взаимодействия органов государственной власти и управления региона и бизнес-сообщества, их влияния на уровень экономического развития и налогового потенциала региона (на примере Удмуртии). В процессе исследования были применены методы системного, комплексного и корреляционного анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения, абстрагирования, формализации, обобщения. В условиях отечественных реалий показана це-

¹ Автор выражает признательность доктору экономических наук Гаджикурбанову Джабраилу Магомедовичу за ценные рекомендации, позволившие улучшить настоящую работу.

лесообразность повышения уровня и качества налогового потенциала региона, прежде всего путем увеличения экономического потенциала. Обосновывается перспектива снижения уровня налогового потенциала российского региона в связи с уменьшением соответствующего потенциала социально-экономического развития. На основе отечественного и зарубежного опыта доказывается влияние неформального института партнерства органов власти и управления региона и бизнес-сообщества на уровень и качество налогового потенциала региона. Материалы исследования могут быть применены в работе государственными служащими, деятелями науки, экспертами и аналитиками предприятий.

Налоговый потенциал, экономический потенциал, государственно-частное партнерство, институциональная среда, государственная поддержка социально-экономического развития, Удмуртия, Приволжский федеральный округ.

Интерес к проблемам в области налогового потенциала региона, постепенно возрастая, проявился у западных специалистов во второй половине 80-х годов прошлого столетия. Проводимые исследования при этом имели практическую направленность: формирование и обоснование подходов к анализу и оценке налогового потенциала региона². В итоге были разработаны и введены в профессиональный оборот методы, основанные на среднедушевых доходах граждан, произведенном и полученном в регионе доходе, совокупных налогооблагаемых ресурсах, репрезентативной налоговой системе.

Ориентация дальнейших исследований, проводимых учеными США, Канады, Мексики и такими известными финансовыми организациями, как Международный валютный фонд и Всемирный банк [12; 13; 14; 16; 17], полностью соответствует ранее установленному курсу: развитие взглядов на инструменты анализа и оценки налогового потенциала региона, применение существующей методологии в целях решения актуальных финансовых проблем регионального и государственного значения.

После перехода к децентрализованной модели государственного устройства и в связи с этим проявления у многих рос-

сийских регионов острых, но прежде латентных проблем в части финансового обеспечения предоставления бюджетных услуг на уровне не ниже минимальных социальных стандартов, вопросы, касающиеся налогового потенциала региона, стали неотъемлемой составляющей тематики отечественных академических изданий. За более чем два десятилетия в данной области было опубликовано множество исследований (например, [3; 7]), подготовлен и защищен внушительный ряд диссертаций, что, в итоге, привело к разработке вариаций уже существующих методов оценки налогового потенциала региона, накоплению обширной эмпирической базы и, чего, по мнению автора, недостает зарубежным исследованиям, развитию теории налогового потенциала хозяйствующих субъектов и углубленному пониманию сущности соответствующей экономической категории. Наиболее значимые научные результаты при этом нашли свое применение в практической деятельности государственных финансовых учреждений.

Между тем, согласно данным Минфина России, в целях выравнивания уровня бюджетной обеспеченности из федерального бюджета была предоставлена финансовая помощь в 2001 году 79% регионов, в 2010 году – 85% регионов, плановое значение на 2016 год – 83% регионов. Это означает, что указанные выше проблемы, к сожалению,

² Tax capacity of the fifty states: methodology and estimates [Electronic resource]. – Washington, D.C. : ACIR, 1982. – Available at : <http://www.library.unt.edu/gpo/acir/Reports/information/M-134.pdf>

нию, так и не решены. Предлагаемые к реализации практические мероприятия по повышению уровня и качества налогового потенциала региона имеют в основном поверхностный характер (например, [6]) и, по мнению автора, даже при более углубленной проработке оказываются не способны привести к требуемым результатам, поскольку должным образом не учитывают наличие препятствующих продуктивной экономической деятельности локальных институциональных барьеров.

Таким образом, цель настоящего исследования – эмпирическое подтверждение существования, исследование форм проявления институциональных ограничений, касающихся взаимодействия органов государственной власти и управления региона и бизнес-сообщества, и их влияния на уровень экономического развития и налогового потенциала региона. Достижение поставленной цели предполагает проведение тщательного анализа и оценки современного состояния социально-экономической и институциональной сфер региона, являющихся основой для формирования и реализации налогового потенциала.

В качестве конкретного примера предлагается рассматривать Удмуртию в сравнении с макрорегионом – Приволжским федеральным округом (далее – ПФО) как интегральной характеристикой входящих в него регионов, с иными регионами данного макрорегиона и с государством как единством всех регионов России.

1. Характеристика налогового и экономического потенциала Удмуртии

Согласно проводимой Минфином России оценке³, Удмуртия с 2006 года являет-

³ Официальная методика оценки налогового потенциала российских регионов служит инструментом горизонтального бюджетного выравнивания, поэтому ее ключевой методологической особенностью является строгое соблюдение принципа репрезентативности.

ся инвариантно-дотационным регионом (рис. 1). Это означает, что уровень соответствующего налогового потенциала не обеспечивает возможность оказания органами власти и управления региона бюджетных услуг не ниже уровня установленных минимальных социальных стандартов. Среди регионов ПФО наилучшие результаты в отношении уровня налогового потенциала в 2010–2016 гг. были достигнуты Татарстаном и Самарской областью, при этом ранг Удмуртии за рассматриваемый период был не выше 6 из 14 регионов.

Проведенная автором на основе метода прямого счета оценка налогового потенциала регионов ПФО, несмотря на известные методологические расхождения⁴, обеспечивает сходные с официальной методикой результаты⁵ (табл. 1). Причина этому очевидна, она состоит в централизации российского финансового права: органам власти и управления каждого из регионов предоставлены равные, но крайне ограниченные полномочия по изменению параметров налоговой системы. Уровень и качество налогового потенциала региона в данных условиях зависят прежде всего от производительности и структуры экономики и в меньшей степени – от компетенции соответствующих органов власти и управления в налоговой сфере. Сделанные выводы задают дальнейший вектор проводимого эмпирического исследования.

Отраслевой структуре экономики Удмуртии в ее современном состоянии

⁴ Поскольку метод прямого счета применяется в целях построения планов и прогнозов налоговых доходов бюджета, при формировании исходных данных учитывается вся совокупность финансовых решений соответствующих органов власти и управления, и это есть не что иное, как отказ от соблюдения принципа репрезентативности.

⁵ Данный вывод подтверждается величиной коэффициента кросс-корреляции между рангами регионов в размере 0,912, статистически значимой при уровне значимости $\alpha = 0,01$ (критические значения представлены в [15, с. 63]).

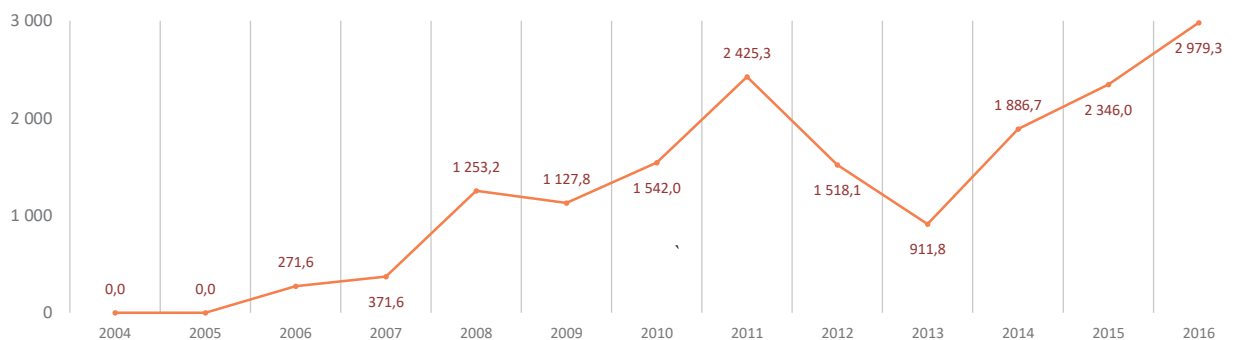

Рис. 1. Дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности Удмуртии в 2004–2016 гг., тыс. руб.

Источник: Официальный сайт Минфина России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.minfin.ru

Таблица 1. Рейтинг регионов ПФО по оценке среднедушевого налогового потенциала, приходящегося на консолидированный бюджет региона (на примере 2014 г.)

Регион ПФО	Среднедушевой налоговый потенциал, приходящийся на консолидированный бюджет региона (по методу прямого счета), тыс. руб.	Ранг в ПФО	
		Оценка на основе метода прямого счета	Оценка на основе методики Минфина России
Кировская область	22,67	11	9
Нижегородская область	35,72	4	5
Оренбургская область	26,46	8	4
Пензенская область	20,81	12	12
Пермский край	43,42	3	3
Башкортостан	30,79	6	7
Марий Эл	19,18	14	14
Мордовия	27,34	7	11
Татарстан	52,03	1	1
Удмуртия	31,32	5	6
Чувашия	20,57	13	13
Самарская область	44,04	2	2
Саратовская область	24,07	10	10
Ульяновская область	24,64	9	8

Источник: Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.nalog.ru; Официальный сайт Минфина России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.minfin.ru

характерна незначительная волатильность и индустриальная (около 45% ВРП) направленность. Наиболее представлены нефтедобывающая промышленность, машиностроение, металлургия. Для отрасли нефтедобычи свойственна близкая к дуопольной концентрация производства: около 60% рынка приходится на ОАО «Удмуртнефть», около 40% – на ПАО «Белкамнефть». Крупнейшие предприятия обрабатывающей промышленности формируют оборонно-промышленный комплекс региона. В Удмуртии развито производство стрелкового оружия (АО «Концерн «Калашников», АО «ИМЗ»), спе-

циализированных средств связи (ОАО «СРЗ», АО «ИРЗ»), продукции атомной (АО «Воткинский завод», АО «ЧМЗ») и электротехнической (ОАО «Элеконд») промышленности, систем противозвушной обороны (АО «ИЭМЗ «Купол»). Из гражданской продукции превалирует производство легковых автомобилей (ООО «ОАГ»), нефтяного оборудования (ОАО «Ижнефтемаш», ГП «Редуктор»), продукции металлургии (ОАО «Ижсталь»). Сфера услуг в структуре валовой добавленной стоимости составляет порядка 45% ВРП. Наименее представлены (менее 3% ВРП) финансовый сектор, гостиничная и ресторанный деятельность,

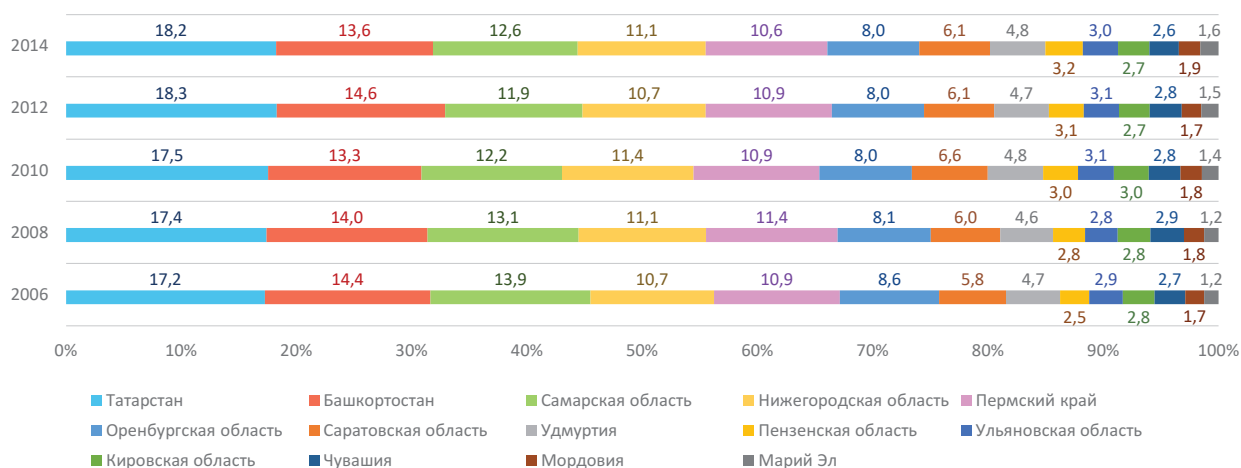

Рис. 2. Структура валовой добавленной стоимости ПФО в 2006–2014 гг.

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru

коммунальные, социальные и персональные услуги. Около 10% ВРП формируется в сельском хозяйстве региона.

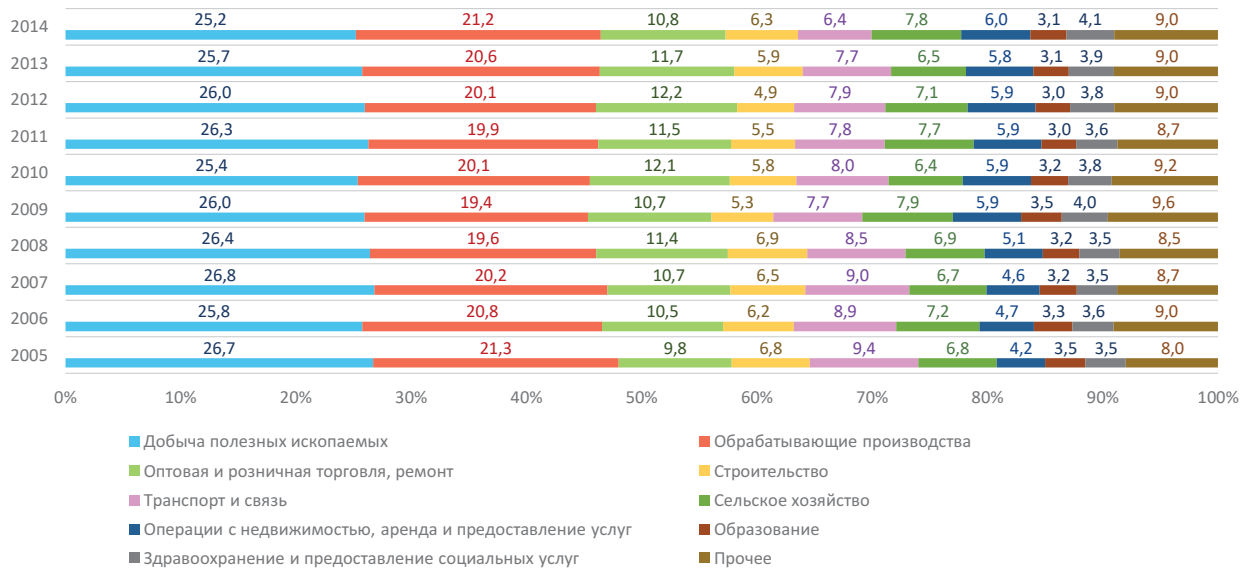
Удмуртия по масштабам экономики в 2006–2014 гг. занимала 8 место среди регионов ПФО, в несколько раз уступая Татарстану, Башкортостану, Самарской и Нижегородской областям и Пермскому краю, но неизменно опережая Пензенскую, Ульяновскую, Кировскую области, Чувашию, Мордовию и Марий Эл (рис. 2). Среднедушевой ВРП Удмуртии в основных текущих ценах в 2002 году на 4,5% превосходил значение сопоставимого показателя по ПФО и на 21,7% уступал показателю по России. За 2002–2014 гг. значение показателя по Удмуртии возросло в 5,8 раз, в целом по России – в 6,7 раз, по ПФО – в 6,5 раз. Как результат, уже в 2008–2014 гг. ситуация стала совершенно иной: показатель по Удмуртии уступал показателю по ПФО 6–11% и показателю по России – 40–50%.

Занятое в 2005–2014 гг. в экономике Удмуртии население примерно в равной степени (с учетом волатильности рынка труда) обладало начальным, средним, высшим профессиональным и средним (полным) общим образованием. Сходная

с Удмуртией ситуация во многом была характерна и для ПФО. В целом для России возрастание доли населения с высшим образованием говорит о приближении к наиболее развитым с экономической точки зрения государствам (Германия, США, Бельгия, Норвегия, Швеция и др.), при этом значительная доля населения со средним профессиональным образованием рассматривается в качестве следствия продолжительного процесса советской индустриализации [1].

Аппроксимирующая эффективность экономики Удмуртии – количественная оценка производительности труда⁶ за 2005–2014 гг. в ценах 2005 года была на 32–37% ниже общероссийской и на 5–15% (увеличение отставания) ниже, чем по ПФО. В то же время Удмуртия существенно опережала Россию в целом (на 39–55%) и ПФО (на 17–33%) по производительности труда добывающей отрасли. Причина этого состоит в специализации на нефтедобыче, что приносит гораздо большую экономическую выгоду, чем, например, добыча угля или металличе-

⁶ Частное валовой добавленной стоимости за финансовый год и среднегодовой численности занятых.

Рис. 3. Вклад отраслей в производительность труда экономики Удмуртии в 2005–2014 гг. (в ценах 2005 г.), %

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru

ских руд. В остальных отраслях производительность труда в регионе оказалась ниже, чем в ПФО (кроме строительства, здравоохранения, предоставления социальных услуг) и в целом по России.

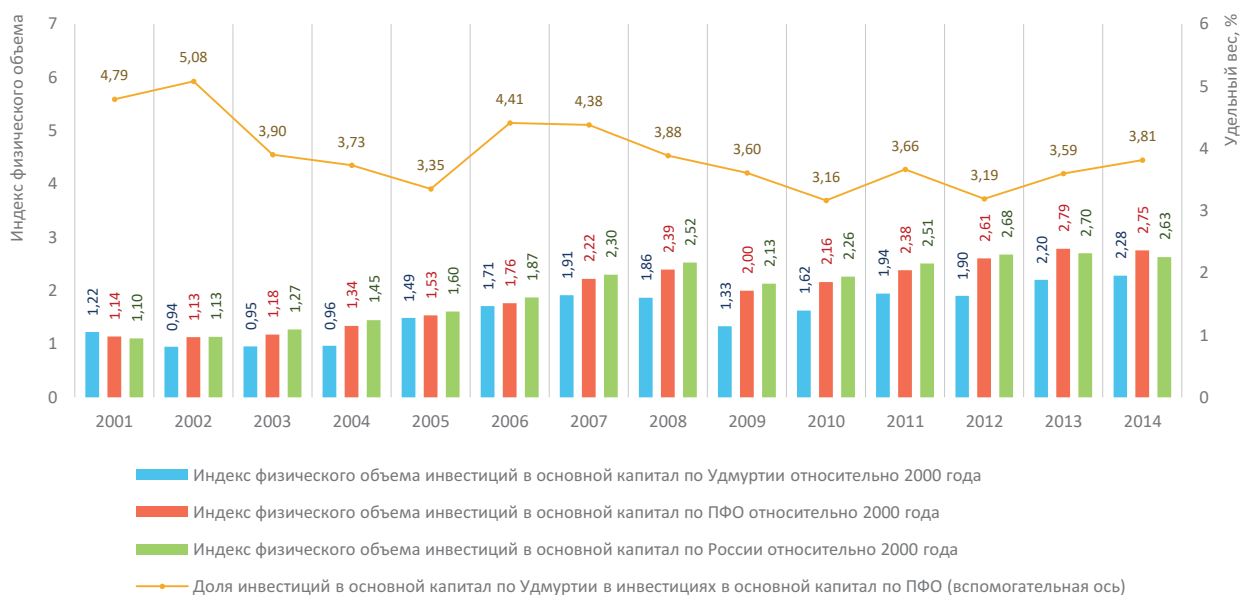
Производительность труда экономики Удмуртии в 2005–2014 гг. определялась прежде всего эффективностью работы промышленных предприятий (вклад около 50%), при этом каждый из секторов трехсекторной модели экономики вносил одинаковый вклад в размере чуть более 30% (рис. 3). Следует сказать, в целом по России доля третичного сектора составляла свыше 50%, вторичного – свыше 30%, первичного – менее 20%. В ПФО ситуация оказалась близка к общероссийской.

Относительно низкая производительность экономики Удмуртии во многом была вызвана перманентным нарастанием морального и физического износа средств труда. За 2002–2014 гг. исчисленный по полной учетной стоимости уровень износа основных производственных

фондов в Удмуртии увеличился с 52 до 62%. Удельный вес полностью изношенных основных производственных фондов увеличился с 12 до 21%. Ухудшилась ситуация в добывающей, строительной отрасли и сфере услуг (уровень износа основных производственных фондов за период 2005–2014 гг. вырос на 6–20 п. п.). Между тем в целом по России и ПФО за 2002–2014 гг. степень износа основных производственных фондов осталась на прежнем (соответственно около 50 и 53%) уровне.

Существенное отставание Удмуртии от средних показателей по России и ПФО характерно и в сфере инвестиций (рис. 4). Несмотря на увеличение физического объема инвестиций в основной капитал по Удмуртии за 2000–2014 гг. в 2,28 раз, по скорости роста оно соответствовало уровню 2010 года в целом по России (отставание в 4 года) и уровню середины 2011 года по ПФО (отставание в 3,5 года). Удельный вес инвестиций в основной капитал по Удмуртии в масштабах ПФО за

⁷ Приведение к базовым ценам осуществлялось на основе индекса Фишера, поскольку применение данного индекса рекомендовано многими экспертами в области экономической статистики.

Рис. 4. Сравнительная оценка динамики инвестиций в основной капитал по Удмуртии, ПФО и России в 2000–2014 гг.

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru

2000–2014 гг. сократился с 5,1 до 3,2%. Как следствие, если доля инвестиций в основной капитал по Удмуртии в 2013–2014 гг. закрепилась на отметке 20% ВРП, то по России и ПФО – порядка 25% соответствующей валовой добавленной стоимости.

В отличие от ПФО и России в целом к концу 2010 года более половины предприятий региона являлись малыми. Однако малые предприятия Удмуртии были относительно менее производительны, поскольку по товарообороту в денежном выражении в расчете на одного занятого уступали 22–68% среднероссийскому значению и до 34% – значению в среднем по ПФО.

По итогам 2014 года каждое седьмое из десяти предприятий Удмуртии оказалось прибыльным, наилучшие результаты были достигнуты в сельском хозяйстве (прибыльные 9 из 10 предприятий), хуже всего дела обстояли в электроэнергетике, водоснабжении, газовой и добывающей промышленности (более 40% убыточных предприятий). Данная ситуация сложилась под воздействием нескольких факторов:

- возрастающая эффективность сельхозпредприятий вызвана изменением организационной структуры отрасли (вертикальная интеграция и концентрация);
- другая причина – повышение уровня государственной финансовой поддержки сельского хозяйства;

- ухудшение финансового состояния нефтедобывающих предприятий региона связано с негативной динамикой цен на сырьевых рынках; что касается электроэнергетики, водоснабжения, распределения и транспортировки газа, данные предприятия, обладая монопольным положением на локальном рынке, производят крайне значимые для современного общества продукцию и услуги, верхний предел цен на которые регулируется соответствующими органами власти и управления.

Достигнутые за 2005–2014 гг. результаты в сфере управления дебиторской задолженностью предприятий позволяют сделать вывод о существенном снижении ее уровня в целом по России и по ПФО. Однако относительно предприятий

Таблица 2. Удельный вес просроченной дебиторской и кредиторской задолженности предприятий, %

Год	Кредиторская задолженность			Дебиторская задолженность		
	Удмуртия	ПФО	Россия	Удмуртия	ПФО	Россия
2005	18,5	19,6	15,1	16,1	15,2	13,6
2006	15,2	12,6	10,7	9,1	11,1	13,2
2007	9,8	8,0	7,8	24,4	10,1	8,0
2008	9,8	9,3	7,4	16,7	10,9	7,6
2009	9,5	7,5	6,4	21,2	10,0	6,5
2010	10,8	6,0	5,7	24,3	9,2	5,8
2011	11,5	5,5	5,8	24,4	8,5	5,4
2012	16,7	5,5	5,0	10,9	7,5	5,4
2013	12,0	5,0	5,3	11,9	7,7	5,6
2014	8,6	4,8	5,7	14,8	8,2	6,5

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru

Удмуртии сходные выводы, к большому сожалению, сделать не представляется возможным (табл. 2).

2. Сравнительная характеристика институциональной среды Удмуртии

Необходимым условием эффективной реализации процесса социально-экономического развития, повышения уровня и качества налогового потенциала региона является формирование системно-ориентированного и системно-организованного локального институционального базиса.

В недавнем времени в каждом регионе ПФО разработаны и утверждены долгосрочные векторные документы в области социально-экономического развития и совершенствования инвестиционной деятельности. В нескольких регионах ПФО (среди них Удмуртия) предпринята попытка создать правовые основы инновационной системы, развития современных, конкурентоспособных технологий.

Достижение поставленных стратегических целей в Удмуртии происходит путем применения такого наиболее распространенного приема, как декомпозиция, предполагающего разработку векторных документов более углубленного, специализированного характера, в частности ведомственных и отраслевых программ и планов социально-экономического раз-

вития. При этом потенциал эффективности данных инструментов во многом определяется наличием соответствующих правовых документов институционального характера и релевантностью их методологического уровня специфике решаемых проблем.

Локальная система формальных институтов в области обеспечения социально-экономического развития Удмуртии перманентно совершенствуется, прежде всего в результате возрастающего экзогенного воздействия со стороны федеральных органов власти и управления, нацеленного на создание конкурентных преимуществ российской экономики, снижение уровня социально-экономических диспропорций между регионами, повышение степени устойчивости их финансового состояния.

Одним из наиболее известных и в то же время актуальным примером такого рода воздействия является реализация проекта по внедрению инвестиционного стандарта, рассматриваемого в качестве необходимого условия улучшения в регионах состояния инвестиционного климата. Как следствие, в Удмуртии, как и в других отечественных регионах, императивным образом и в установленные сроки были разработаны, одобрены экспертным сообществом и утверждены органами государственной власти и

управления закон и положение об инвестиционном фонде, регламенты по сопровождению, формированию и ведению реестра инвестиционных проектов и иные нормативные документы, определяющие возможности и порядок реализации инвестиционного процесса в регионе. Между тем нельзя не отметить, что нормативный базис в области инвестиционной деятельности был сформирован в Удмуртии заблаговременно и позднее лишь приведен в соответствие стандарту.

Учитывая вышеизложенное, следует признать, «при высокой и постоянно прогрессирующей оснащенности регионов инструментами поддержки инвесторов все чаще на первое место выходит реальная практика ... применения этих инструментов, прозрачность инвестиционной политики региона для бизнеса» [11, с. 22].

Повышенный интерес в этом смысле представляет практика США, основанная на принципе наибольшего благоприятствования региональным инвестициям. Обладая широкими полномочиями в налоговой сфере, регионы США применяют гибкий механизм стимулирования инвестиций, предполагающий предоставление налоговых кредитов, скидок и расщечек, особый порядок формирования амортизационного фонда предприятий, установление пониженных налоговых ставок и иных налоговых льгот [8].

Для сравнения, применение стимулирующей функции налогов российскими регионами (в том числе и Удмуртией) крайне ограничено ввиду отсутствия у соответствующих органов власти и управления необходимой компетенции в налоговой сфере. Кроме того, используемым регионами налоговым льготам не характерна глубокая структурная и функциональная дифференциация, что не обеспечивает должную гибкость налогового механизма (подробнее в [9]).

Государственная финансовая поддержка социально-экономического развития на уровне регионов также осуществляется в форме целевых трансфертов, вся совокупность такого рода расходов образует бюджет развития. Более 50% данных расходов (табл. 3) имеют строгую социальную направленность (образование, здравоохранение, жилищная сфера, физическая культура, спорт), повышенное внимание уделяется вопросам сельского, дорожного и транспортного хозяйства, усилению рыночной конкуренции. В различной степени поддерживается развитие промышленного производства, государственного управления, технологий природопользования и воспроизводства природных ресурсов. Величина бюджета развития регионов на душу населения находится в прямой зависимости от достигнутого уровня налогового потенциала, и при этом отнюдь не все выделяемые регионам межбюджетные трансферты на практике обеспечивают сокращение данных различий, поскольку, как ни парадоксально, во многом стимулируют региональных лидеров (подробнее в [10]).

Важной чертой государственной поддержки социально-экономического развития регионов во многих экономически развитых государствах является неукоснительное следование принципу системности. В частности, реализуемая в Германии современная инновационно-технологическая политика предполагает не только формирование на уровне регионов благоприятных рамочных условий, но и переориентацию модели профессионального образования, содействие оказанию услуг консалтинга в области инноваций, развитие прикладной науки, разнообразных форм сетевого взаимодействия между экономическими субъектами и инструментов контроля в указанной сфере. Хорошим примером успешной реализации данной политики

Таблица 3. Бюджет развития некоторых регионов ПФО
с различным уровнем налогового потенциала (по данным 2014 г.)

Направление развития	Бюджет развития региона в расчете на душу населения, тыс. руб.		
	Татарстан	Удмуртия	Чувашия
Государственное управление	566	37	259
Природопользование и охрана окружающей среды	168	207	2
Предпринимательство	149	187	155
Сельское хозяйство	1363	600	1073
Транспортное и дорожное хозяйство	643	1896	193
Социальная сфера	9255	3900	2869
Прочие направления	171	289	83
ВСЕГО	12315	7116	4635

Источник: Официальный сайт Казначейства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.roskazna.ru

является повышение уровня инновационно-технологического и, как следствие, экономического и налогового потенциала многих регионов Германии: Баварии, Гамбурга, Саксонии, Берлина, Баден-Вюртемберга, Бранденбурга, Тюрингии, Бремена [2]. Одна из главных предпосылок достижения подобных результатов состоит в наличии подлинно партнерских взаимоотношений между государством и бизнес-сообществом.

Обращаясь к современному отечественному опыту в области улучшения состояния инвестиционного климата, повышения уровня экономического развития и налогового потенциала регионов, следует сказать, что деятельность и результаты деятельности соответствующих специализированных агентств характеризуются весьма существенными различиями:

– в Удмуртии агентство (создано в октябре 2014 года) за два года функционирования достигло следующих результатов: утвержден механизм предоставления земельных участков в аренду без проведения торгов для реализации инвестиционных проектов, запланировано участие органов власти и управления региона в нескольких проектах государственно-частного партнерства с общей величиной инвестиций более 500 млн руб., созданы базы данных об инвестиционных площадках, инвестиционных проектах, объектах

незавершенного строительства, требующих реконструкции объектах;

– в Кировской области (создано в июне 2012 года) за четыре года работы агентством была создана инфраструктура одного промышленного парка, находится в процессе формирования производственная инфраструктура двух промышленных парков, ведется поиск резидентов для данных инвестиционных площадок, подготовлен реестр указанных площадок;

– в Марий Эл (создано в октябре 2013 года) агентство ведет переговоры о реализации проектов с потенциальными инвесторами из регионов России, стран ближнего зарубежья (Казахстан, Белоруссия), Европы (Венгрия, Германия, Турция, Чехия), Азии (Китай), с несколькими отечественными банками достигнуты соглашения о финансировании проектов; по двум сопровождаемым проектам отечественных инвесторов величина инвестиций в 2015 году составила 520 млн руб.;

– в Татарстане (создано в июне 2011 года) до завершения первого финансового года своей деятельности агентство приняло участие в нескольких крупных международных экономических форумах (в ОАЭ, Швейцарии, Казахстане, Сингапуре, Катаре, России), вступило в международную организацию агентств развития

(WAIPA), провело ряд переговоров с зарубежными агентствами и бизнес-сообществом (Иран, Австрия, Польша и др.), что в этом же году обеспечило приток инвестиций; в последующие годы кроме усиления интенсивности деятельности были подписаны соглашения о международном синдицированном кредите с учетом принципов исламских финансов на сумму более 100 млн долл. США, начато внедрение современной системы мониторинга инвестиционных проектов (iPMS);

– в Башкортостане агентство (создано в январе 2011 года) ведет переговоры с инвесторами из стран – членов ШОС, БРИКС, Евросоюза, Турции, Канады, Индонезии, а также с крупнейшими отечественными банками, осуществляет строительство инвестиционных площадок. По итогам 2015 года большинство проектов находится на подготовительной стадии (приняты соглашения о сотрудничестве, определяются инвестиционные площадки, обсуждаются условия реализации проектов), несколько проектов достигли инвестиционной фазы, два – эксплуатационной (среди них реализуемые зарубежными инвесторами).

Масштабы, интенсивность и достигнутые результаты деятельности агентств на практике являются одними из основных факторов, определяющих степень инвестиционной активности представителей бизнес-сообщества на территории региона. Согласно официальной статистике, в 2014 году удельный вес внебюджетных инвестиций в основной капитал (в общем объеме инвестиций в основной капитал) составил в Татарстане 89,1%. В то же время, например, в Кировской области и Удмуртии величина указанного показателя за 2014 год была ниже – 84,9 и 79,9%.

В последнее время на практике в качестве одного из ключевых инструментов развития экономики и расширения налогооблагаемой базы отечественных

регионов рассматривается кластерный подход. Реализация процесса кластеризации в Удмуртии предполагается в отношении приоритетных для региона отраслей: нефтегазовое и оружейное машиностроение, производство беспилотных летательных аппаратов, аграрная промышленность, туристско-рекреационная сфера. Первые шаги были сделаны в конце 2014 года в результате создания туристско-рекреационного кластера «Камский берег» и «Удмуртского машиностроительного кластера». В целях их развития региону выделяются федеральные субсидии (на конец 3 квартала 2016 года в общей сложности было утверждено около 77,5 млн руб.).

Однако достигнутые результаты не могут быть охарактеризованы как выдающиеся, поскольку данные кластеры находятся на этапе становления и большинство мероприятий есть не более чем идеи с определенным потенциалом реализации. Во многом именно поэтому проекты кластеров Удмуртии не вошли в перечень пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров, созданный для выработки механизмов и инструментов государственной поддержки. Между тем в этот перечень были включены 9 кластеров из 7 регионов ПФО [5].

Согласно результатам отечественных исследований, Удмуртия по уровню инновационного развития в 2012 году занимала 67 место (в 2008 – 53 место, в 2010 – 59 место) из оцениваемых 83 регионов России и 14 место среди регионов ПФО. При этом в двадцатку наиболее развитых в указанном смысле регионов России вошли 9 регионов ПФО. Основными причинами обозначенной проблемы признаны недостаточное качество проводимой органами власти и управления региона инновационной политики и низкий уровень реализации научно-технического потенциала Удмуртии (подробнее в [4]).

Таблица 4. Характеристика потенциала социально-экономического развития регионов ПФО (по данным 2014 г.)

Показатель	Ранг регионов ПФО*													
	Татарстан	Самарская область	Пермский край	Оренбургская область	Нижегородская область	Удмуртия	Башкортостан	Ульяновская область	Кировская область	Саратовская область	Мордовия	Пензенская область	Чувашия	Марий Эл
I. Реализация инвестиционного потенциала														
Доля инвестиций в основной капитал в ВРП, %	2	3	12	13	7	14	11	5	8	9	4	6	10	1
Доля полностью изношенных основных фондов (по полной учетной стоимости), %	2	11	5	14	8	12	4	7	3	9	1	10	6	13
II. Состояние научно-технической и инновационной сферы														
Доля издержек на прикладные научные исследования и разработки в ВРП, %	8	3	5	14	1	12	7	2	9	10	11	4	6	13
Количество разработанных передовых производственных технологий за 2010–2014 гг.	2	3	7	12	1	8	10	4	13	6	9	5	11	13
III. Состояние социальной сферы														
Доля занятого населения с высшим образованием в численности занятого населения, %	3	1	14	10	4	13	12	8	11	4	2	7	6	9
Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда, %	1	7	12	11	5	8	2	3	14	9	6	9	3	13
IV. Состояние транспортной инфраструктуры														
Доля автомобильных дорог общего пользования (регионального или межмуниципального значения), не отвечающих нормативным требованиям, %	3	10	2	12	6	13	9	4	8	14	7	1	5	11
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1 тыс. км ² территории	1	3	13	12	4	8	7	10	14	11	6	5	2	9
Совокупный ранг региона	1	3	9	14	2	13	8	4	11	10	5	6	7	12
*Регионы ранжированы слева направо по снижению уровня налогового потенциала в соответствии с официальной оценкой на 2014 год. Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gks.ru														

Перспективы повышения уровня и качества налогового потенциала региона следует рассматривать через призму способности и готовности соответствующих органов власти обеспечивать необходимые темпы долгосрочного социально-экономического развития, о чем, в свою очередь, не может быть и речи без проявления должного внимания к вопросам научно-технической, инновационной и социальной направленности, улучшения состояния транспортной инфраструктуры, формирования и реализации инвестиционных возможностей региона.

По проведенной автором оценке на основе данных Росстата⁸, многие регионы ПФО с относительно высоким уровнем

⁸ Совокупный ранг региона исчислен как простая средняя арифметическая частных рангов.

налогового потенциала в 2014 году утратили свои позиции в отношении достигнутого уровня потенциала социально-экономического развития (табл. 4). Среди них Пермский край (9 место), Оренбургская область (14 место) и Удмуртия (13 место). Это означает, что без существенных положительных изменений в качестве проводимой данными регионами социально-экономической политики следует ожидать в среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективе не менее значительных сугубо негативных изменений в отношении уровня формирования и реализации налогового потенциала.

Проведенный сравнительный анализ динамики состояния экономической сферы региона позволяет сделать вывод о значительном усилении за последние

годы отставания Удмуртии в отношении своих экономических возможностей от экономически более развитых регионов ПФО и России. Как результат, Удмуртия является регионом-реципиентом, и это свидетельствует об объективной неспособности оказания органами власти и управления региона бюджетных услуг на уровне не ниже минимальных государственных социальных стандартов. Кроме того, для Удмуртии характерен пониженный относительно других регионов ПФО потенциал социально-экономического развития, что связано с определенными локальными проблемами в институциональной сфере и является причиной ожидания негативного изменения уровня налогового потенциала региона.

Реализуемый в российских регионах по принципу «сверху-вниз» процесс стандартизации формальных институтов призван обеспечить конвергенцию соответствующих качественных характеристик

и, таким образом, формирование во всех регионах в равной степени гарантированных государством предпосылок социально-экономического развития. Несмотря на положительные изменения в области права, существенных качественных преобразований в экономической сфере в Удмуртии за последние годы совершить не удалось, при этом наиболее значимые «прорывные» мероприятия и проекты находятся без движения на этапе «идеи» либо лишь на начальной стадии своего воплощения. Как показало исследование, главной причиной сложившейся ситуации является недостаточная развитость неформальной составляющей института партнерских взаимоотношений между органами власти и управления Удмуртии и бизнес-сообществом. Решение данной проблемы, по мнению автора, состоит, прежде всего, в выработке научно обоснованных порядка и принципов такого рода взаимодействия в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Л. А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) [Текст] / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 13–24.
2. Говорова, Н. В. Промышленная политика европейских стран [Текст] / Н. В. Говорова. – М. : Институт Европы РАН, 2010. – 214 с.
3. Горский, И. В. Налоговый потенциал в механизме межбюджетных отношений [Текст] / И. В. Горский // Финансы. – 1999. – № 6. – С. 28–30.
4. Гохберг, Л. М. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [Текст] / Л. М. Гохберг. – М. : НИУ ВШЭ, 2014. – 88 с.
5. Гохберг, Л. М. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации [Текст] / Л. М. Гохберг, А. Е. Шадрин. – М. : НИУ ВШЭ, 2013. – 108 с.
6. Гурова, В. А. Формирование экономического уровня региона с помощью изменения налогового потенциала [Текст] / В. А. Гурова, С. А. Гуров, Ю. Ю. Швец // Банковские услуги. – 2014. – № 10. – С. 31–39.
7. Иванов, В. В. Налоговый потенциал региона как фундамент бюджетной системы страны [Текст] / В. В. Иванов // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2. – С. 204–207.
8. Иванова, Н. И. Налоговое стимулирование инновационных процессов [Текст] / Н. И. Иванова, И. Г. Дежина, А. В. Федорченко. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 160 с.
9. Матвеева, Л. Г. Формирование регионального модуля национальной инновационной системы [Текст] / Л. Г. Матвеева, Т. В. Федосова. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2009. – 375 с.
10. Соболева, Г. В. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики [Текст] / Г. В. Соболева, И. Н. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. – 2014. – № 1. – С. 5–26.

11. Татаркин, А. И. Партнерство власти и бизнеса в реализации стратегий развития территорий [Текст] / А. И. Татаркин, Д. А. Татаркин, Е. Н. Сидорова // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 18–30.
12. Barro, S. M. Macroeconomic versus RTS measures of fiscal capacity: theoretical foundations and implications for Canada [Text] / S. M. Barro // Queen's University Working Paper, 2002.
13. Belkin, D. Taxing metropolis: tax effort and tax capacity in large U.S. cities [Text] / D. Belkin. – N.Y., 2000.
14. Davoodi, H. Tax potential vs. tax effort: a cross-country analysis of Armenia's stubbornly low tax collection [Text] / H. Davoodi, D. Grigorian ; IMF, 2007.
15. Fisher, R. Statistical tables for biological, agricultural and medical research [Text] / R. Fisher, F. Yates. – Edinburgh : Oliver and Boyd, 1963.
16. Minh Le, T. Tax capacity and tax effort: extended cross-country analysis from 1994 to 2009 [Text] / T. Minh Le, B. Moreno-Dodson, N. Bayraktar ; World Bank, 2012.
17. Sobarzo, O. Tax effort and tax potential of state governments in Mexico: a representative tax system [Text] / O. Sobarzo // Kellogg Working Paper Series, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бердичевский Иван Владимирович – ассистент кафедры «Экономика и менеджмент». Глазовский инженерно-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова». Россия, 427622, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Кирова, д. 36. E-mail: berdichevskiy117@yandex.ru. Тел.: (34141) 5-34-09.

Berdichevskii I.V.

EMPIRICAL RESEARCH ON INSTITUTIONAL CONSTRAINTS ON REGIONAL TAX POTENTIAL

Specialists are particularly interested in the issues of formation and realisation of the region's tax potential due to the need to develop economically viable indicators that would be able to identify the feasibility and extent of budget equalization. Generalization of the accumulated scientific experience suggests the creation of an impressive theoretical, methodological and empirical base and its successful application in the practice of intergovernmental fiscal relations on the example of various countries. Particular attention should be paid to the issues relating to the improvement of the achieved level and quality of regional tax potential, since they aim to solve the problems of financial insolvency in the region, rather than just reduce the socially destructive impact of this issue. However, unfortunately, modern Russian practice does not prove the undoubted effectiveness of the proposed implementation of such activities. As we see it, the reason for this situation lies, first, in the presence of local institutional barriers to achieving high-productivity economic activities in the region. Thus, the purpose of the present study is to confirm empirically the existence and to study the forms of institutional limitations concerning the interaction of public authorities and management of the region and the business community, their impact on the level of economic development and the tax potential of region (on example of the Udmurt Republic). The research used methods such as systematic, comprehensive, and correlation analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, abstraction, formalization and generalization. In the conditions of Russian realities, the author demonstrates the feasibility of increasing the level and quality of regional tax potential, primarily by increasing economic potential. The article substantiates the prospect of reducing the level of tax potential of a Russian region due to the reduction of the capacity for

socio-economic development. On the basis of domestic and foreign experience the article proves the influence of the informal institution of partnership of authorities and management of the region and the business community on the level and quality of tax potential of the region. The research can be applied in the work of civil servants, scientists, experts and analysts of companies.

Tax potential, economic potential, public-private partnership, institutional environment, state support of socio-economic development, Udmurtia, Volga Federal District.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Berdichevskii Ivan Vladimirovich – Teaching Assistant at the “Economics and Management” Department. Glazov Institute for Engineering and Economics (branch), Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Kalashnikov Izhevsk State Technical University”. 36, Kirov Street, Glazov, Udmurt Republic, 427622, Russian Federation. E-mail: berdichevskiy117@yandex.ru. Phone: +7(34141) 5-34-09.